

Такая псевдо-научная точность не передает, при отсутствии нот, музыкального рисунка песни и мешает читателю воспринять поэтическую прелесть текста песни.

Несмотря на все недочеты, неизбежные в начале обширной и сложной работы, сборник радует не только как результат большого собирательского труда, но и как серьезная попытка исследовательского подхода к публикуемому материалу.

Э. Гофман-Померанцева

Кировская игрушка, Аннотированный библиографический указатель книг, журнальных и газетных статей, Составила Г. Чудова, Кировская областная библиотека им. Герцена, Кировское обл. издательство, 1946, 34.

Введение говорит, что «указатель составлен на основе карточек местного отдела Кировской областной библиотеки им. Герцена», но остается неясным, составлен ли указатель, как каталог имеющейся в данной библиотеке литературы по кировской игрушке, или как библиографический указатель вне зависимости от наличия библиотеки. Если он отражает наличие библиотеки, — он, вероятно, выполнил свою задачу, которую следует безусловно считать полезной и очень желательной для всех областных библиотек. Если же указатель составлен вне зависимости от библиотечных фондов, — он оставляет желать многого в смысле полноты и систематизации материала. Там отображен главным образом материал газетных и журнальных статей последних лет. Наряду с этим встречаются и указания на статьи в «Вятских губ. ведомостях» (за 1838, 1871, 1873 гг.), но это издание использовано далеко не полностью, что можно констатировать из сравнения с указателем Д. К. Зеленина, где дан ряд статей о вятской игрушке. Очень слабо отражена литература о глиняной игрушке, библиография которой дана хотя бы в книге Л. А. Динцеса «Русская глиняная игрушка» (М. — Л., 1936). Ошибкой является утверждение автора введения, что кустарный промысел вятской игрушки возник «свыше ста лет» назад, — он уходит в глубокую древность, а не ограничивается столетием. Некоторое недоумение вызывает и систематизация материала: 1-й раздел, Кировская игрушка; 2-й раздел, Кировская глиняная игрушка. И в первом разделе много говорится о глиняной игрушке и ее мастерах; принцип подбора материала по этим отделам остается неясным. Несмотря на указанные недочеты, следует отметить самый факт издания местной краевой библиотекой тематического указателя. Это факт редкий и очень отрядный, так как таких указателей почти нет.

Н. Гаген-Торн

ЮЖНЫЕ СЛАВЯНЕ

Županičev zbornik, Zbornik znanstvenyh del slovanskyh učeník v čast dr. Niko Županiča ob šestdesetletnici njegovega rojsta. Uredil F. K. Kos, kustos Etnografskega muzeja, Ljubljana, 1939, 432 str. (с портретом).

Профессор Нико Жупанич является видным научным деятелем в области словенской этнографии. По случаю исполнившегося 50-летия со дня рождения многочисленных ученики и почитатели проф. Жупанича составили из своих статей ценный этнографический сборник. Статей этих много, и мы отметим лишь наиболее интересные, дающие новый материал или новую постановку вопроса в области этнографии словен, сербов и хорватов. Большой интерес представляет пространный и со многочисленными иллюстрациями очерк Raiko Ložar „Mali Kruhek“. Так называется фигурное печенье, распространенное в народном быту словен. Автор рассматривает многочисленные образцы орнамента печения, изображения на нем животных, растений, увлеченных геометрических мотивов и т. д. По тематическому содержанию имеются среди них серия святых, серия бытовая и пр. По давности автор выделяет три группы: за 2-ю половину XVIII в., за 1-ю половину XIX в. и за 2-ю половину XIX в. В очерке Светислава Душанича «Свадбени обичaji у Приштини, «Боја» (с фотографиями) описывается сохранившийся в Приштине (Косово поле) свадебный обряд „боја“ — крашение волос невесты перед ее разлукой с родительским домом. Обряд совершается в присутствии матери невесты, ее жениха и ее юных подруг. В Щербаківский напечатал статью: „Неиндогерманські племена на території України за часів Геродота“. В дополнение к мысли д-ра Нико Жупанича, который устанавливает этническую связь между югославами и хеттами, автор отмечает аналогичную связь между этническим субстратом украинцев и этнокультурой народов Кавказа и Малой Азии, отмечая близкое родство хеттов и тех народов Кавказа и Малой Азии, которые обитали на территории Украины в эпоху Геродота. Ценные лингвистические данные извлек из старых рукописей Anton Zdesar в статье „Nekaj drobcev stare slovenske besede iz mengeskikh Krstnih knjig“. Это — несколько отрывков словенской речи из крестильных метрических книг Менгешского прихода, в Верхней Краине, начиная с 1584 г. В них помещены не только имена, но содержатся и целые заметки на словенском языке. Niko Županič в статье „Problem povzročitve metamorfoze možganske lobanje z ozirom na kranijski indeks pri jugoslovenih“ дает очерк по физио-этническим метаморфозам народов, с особым

указанием на югославов. Josef Skutil в статье „Avarské nálezy na Moravě“ рассматривает славяно-аварские этнические взаимосвязи по археологическим памятникам Моравии послеримского времени, пользуясь также данными венгерской археологии. В общем, вопроса он не разрешает, но в известной мере проливает свет на эту интересную проблему. Давно стоящий в науке вопрос об эпитете „белый“ и „черный“ или „красный“ при имени стран и народов делает попытку осветить Niko Žiranić в статье „Značenje barvnivega atributa v imenu „Crvena Hrvatska“. Автор приходит к заключению, что в Европе нет ключа для решения данного вопроса. Но и в других странах пока еще он не найден. О названии „Hrvat“ поместил статью Rajko Nachtigal. „Donesek k zgodovini vprasanja o imenu Hrvat“. Автором приведены пространные исторические справки о решении этого вопроса. В современном названии „хrvat“ автор не видит единой славянской коренной основы, считая, что оно образовалось под чужим влиянием, особенно венгерским. Автор указывает, между прочим, что образование имен с суффиксом *at* стоит в ряду многих подобных имен, которые следует отнести к иранским и иллирийским именам с суффиксом *at*.

Кроме отмеченных статей и очерков, в „Жупаничевом сборнике“ помещено много статей и материалов по фольклору: песни, заговоры, приметы, нотные записи мелодий и пр. Имеются и очерки по словенской народной архитектуре.

Вл. Вл. Богданов

Д-р Цвѣтана Вранска, *Апокрифитѣ за богородица и Българската народна пѣсенъ*, София, 1940.

Автор рецензируемой книги — молодой болгарский научный работник. Ее перу принадлежит несколько исследований в области южнославянской филологии. Книга состоит из двух частей: 1) апокрифы о богородице у южных и восточных славян и 2) мотивы этих апокрифов в болгарских народных песнях. Наибольший интерес представляет вторая часть книги, содержащая обзор болгарской народной поэзии с апокрифическими и религиозными мотивами и обзор апокрифических и религиозных мотивов о богородице в болгарской народной песне.

Цветана Вранская с примерной добросовестностью и прилежанием привлекла обширный материал. Аппарат книги удовлетворителен. Богатый библиографический указатель и тщательные ссылки на литературные источники в тексте книги значительно облегчат работу каждого, занимающегося исследованием в данной области.

Первая часть книги, в которой автор устанавливает свою классификацию апокрифов о богородице, является, в сущности говоря, сводом уже известных высказываний разных исследователей. Во второй части книги привлечен оригинальный материал. Исследователь-литературовед найдет здесь немало ценного и интересного. Канонические библейские сказания, так же как и апокрифы, в равной степени являются легендами. Как те, так и другие имеют общий источник — устное народное творчество. Однако характерную особенность апокрифов составляет их большая, чем канонических библейских текстов, близость к фольклору. Вырастая часто из устного предания, апокриф не порывал с ним связи и тогда, когда получал книжную обработку и закреплялся в литературе. Больше того: из книги апокриф нередко возвращался обратно в фольклор, претерпевая при этом значительные изменения. Этот исключительно интересный процесс возвращения апокрифа в фольклор и можно проследить в труде Цветаны Вранской на материале болгарских народных песен. В частности, в книге показано, как апокрифы, возвращаясь в фольклор, неизменно теряют элементы чудесного, мистического, сверхъестественного, — элементы, столь характерные для канонических библейских текстов. Мистические, легендарные черты заменяются земными, человеческими качествами. Чудесные персонажи и события приобретают реалистические черты; например, в песне, записанной в селе Княжа, описывается рождение Христа, но богородица обладает здесь совершенно земными чертами; во время родов она мучается, как обыкновенная женщина, окружают ее отнюдь не мистические персонажи, не цари или волхвы, а крестьяне и пастухи. Та же тенденция к освобождению от мистических, библейских подробностей, видна и в ряде других песен, приводимых Вранской. Интересен и другой момент, когда апокрифический мотив сплетается с народными обычаями, носящими остатки языческих верований. Примеров подобного рода тоже не мало в этой книге.

В труде Вранской явственным образом проступает глубоко плодотворная связь болгарской науки с русским литературоведением, с такими классиками русской филологии, как А. Н. Пыпин, А. Н. Веселовский, Н. С. Тихонов, Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня. Совершенно очевидно, что труды русских филологов были фундаментом, на котором развивалось и развивается болгарское литературоведение. Но сразу видно и другое. Автор рецензируемой книги, добросовестно придерживаясь принципов русской филологии XIX в. в деле строгого и основательного подбора материала, в прослеживании развития того или иного поэтического мотива, становится слишком робким, когда исследование сталкивает его с вопросами происхождения, социальных корней литературного явления. А ведь именно на эту социальную приуроченность литературных фактов и обращали внимание выдающиеся русские исследователи еще